

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Глеб Павловский

Консультант, Администрации Президента Российской Федерации, 1996-2011

Интервьюер:

Иван Грек

The Bridge Research Project

Дата интервью:

4 сентября 2021 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Глеб Павловский, интервью Ивана Грека, 4 сентября 2021 г. " Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Когда Джордж Буш стал президентом в 2001 году, какой работой вы занимались и как пришли на свою должность?

ПАВЛОВСКИЙ: Я уже довольно давно был советником главы администрации президента по полит. планированию. Был я уже так к этому времени давно, с [19]96-го года.

ГРЕК: На момент начала отношений администраций Путина и Буша, на момент смены формаций, какие существовали школы мысли в области международной политики в этот момент? Как думали о российско-американских отношениях?

ПАВЛОВСКИЙ: Ну говорить про школу мысли будет несколько амбициозно. Это был период такого... довольно долгий период: с начала 90-х годов, период отсутствия, в общем, значимого влияния интеллектуальных платформ разных на политику, они просто разошлись.

В [19]91-м году, когда рухнул Союз, то рухнули и разные коммуникации между научным сообществом и властью. При этом там было довольно много людей, которые имели [00:02:00] научный экспириенс, но нельзя говорить, я думаю, примерно до середины нулевых, наверное, о значительном влиянии каких-то оппозиций, платформ — само понятие «оппозиция» было непопулярным.

И мы, что касается внешней политики, то во-первых, 90-е годы — это, как бы, такой упадок в разработке внешней политики: она была подчинена в значительной степени. Ну она была, конечно же, подчинена президенту, но в общем интерес общества к внешней политике был ничтожным. Газеты закрывали свои полосы по международным отношениям, сокращали международных корреспондентов — просто этого не читали. Общество было политизированным, но совсем иным способом и какие-то очень заметные события международные, например, война в Боснии и Герцеговине, которая в значительной степени была в центре европейской политики, она вообще прошла мимо нас. Люди, большинство людей, просто не заметили, что она была. Вот, конечно, война в Чечне вытеснила ее, хотя она велась примерно теми же средствами.

Вот, была американская догма, как я ее называю: представление о том, что все вопросы могут решаться с Америкой. Странное, но оно было [00:04:00] довольно долго — я думаю, остатки его видны еще сегодня. И к началу, собственно, Путинского президенства, уже начиналась некоторая изоляция России. Мой дорогой друг Том Грэм уже написал свою замечательную статью «Мир без России?» в 1999-м, если не ошибаюсь, я думаю, благодаря которой он и стал советником Буша-младшего. В это время, так что не было еще фиксации на геополитике Кремля, само слово «геополитика» было таким, я бы сказал, запрещенным словом, потому что,

геополитика, вообще-то говоря — это уже наука, и так мы считали, в Кремле тоже.

И началось, ну, пришел Буш, была встреча, где-то на Балканах, да?

ГРЕК: В Словении.

ПАВЛОВСКИЙ: В Словении, да. Вот, но ничего принципиального еще не

произошло. Был поиск, насколько я понимаю, каких-то новых отношений с

Россией у уже России Путина, но еще не Путинской. И, вот, перелом был в

2001 году, как известно, когда уже существовала некоторая проблема,

например, проблема [00:06:00] Талибана: в Кремле существовала,

осознавалась; в стране — нет, не осознавалась. И когда тогдашний министр

обороны Сергей Иванов заявил, что мы готовы бомбить даже позиции

Талибана где-то — я не помню, ну, видимо, в Афганистане — это вызвало

какую-то смесь насмешек и негодования в обществе. «Какой еще

Афганистан? Какие талибы? О чем вы говорите? — Ничего такого нет.» Это

была, между прочим, еще весна 2001-го года: талибы тогда обращались к

Кремлю с довольно странными предложениями, такими странными, на

самом деле, предложениями вместе повоевать с Америкой, но, естественно,

никакого интереса они не вызвали, потому что Россия двигалась в другом

направлении совершенно. И потом наши союзники в Средней Азии боялись

Талибана.

Так что, когда наступило 11 сентября существовал определенный консенсус в Кремле, что... именно консенсус, что Путин должен резко выступить в поддержку президента Буша. Это как бы даже [00:08:00] по-разному аргументировалось, но был консенсус, не было других точек зрения. И поэтому никакие платформы другие там не влияли. Конечно же у Саши Дугина была другая позиция, но Дугин был никто для Кремля. Поэтому вот произошло то, что произошло, и это был сильный ход, который породил какие-то особые отношения с Бушем.

ГРЕК: Это вы про встречу в Словении имеете в виду?

ПАВЛОВСКИЙ: Нет, какая встреча в Словении? 11 сентября. А Словения была... ну приятно, что они посмотрели друг другу в глаза, но, честно говоря, в Кремле это тоже не было, не имело особого значения — ну посмотрели и посмотрели. То есть задача была не вызвать отторжения, потому что в Европе уже возникало плохое отношение к России — оно уже устоялось из-за войны в Чечне, которая продолжалась напомним в это время.

ГРЕК: А многие говорят про личную химию между Путиным и Бушем, которая сложилась тогда в Словении?

ПАВЛОВСКИЙ: Ну она сложилась не в Словении, она сложилась 11 сентября, после заявления Путина. Это в Словении, все-таки, был проходной момент, а 11 сентября было прямой поддержкой Буша в его, в общем-то говоря, импровизации, которая могла закончиться плохо тогда же, которая могла

быть вообще не принята. Вот, [00:10:00] поэтому дорога ложка к обеду. Путин первый выступил с такой безоглядной поддержкой Буша, что исключало возможность поставить Россию с другой стороны.

Мы рассматривали в это время — ну до 11 сентября — возможность того, что... мы искали какую-то позицию России. В частности, одна из позиций, может быть, вторая по важности рассматривалась, как сей: как лидер не западных стран, лидер отверженных, лидер стран, которые чувствуют себя забытыми, вот, и, так сказать, в многополярном мире не видят себе места. Это рассматривалась, да, такая вещь, но она отошла на второй план почти сразу.

ГРЕК: Незадолго до 11 сентября было еще одно важное событие — выход США из договора по ограничению систем противоракетной [обороны. Повлияло ли] это как-то на курс Кремля?

ПАВЛОВСКИЙ: Ничего хорошего это, конечно, не значило для Москвы. У нас отрицательно отнеслись к этому, но это не было каким-то маркером вражды, возможной конфронтации, потому что пришла новая власть в Москве: [00:12:00] мы воспринимали себя как новую власть, как новый порядок. И старые договора... да, их ценность не была понятна нам. Мы были новичками, и нам было, собственно, плевать на старые договора.

ГРЕК: Некоторые коллеги говорят, что именно эта ситуация выхода Штатов из договора породила разработку российских сверхзвуковых ракет и так далее. Какие-то резкие реакции были на это?

ПАВЛОВСКИЙ: Да, чепуха. Какие ракеты? Какие разработки в это время? Денег не было. И они, собственно говоря, не предвиделись еще, они появились позже. Поэтому какие уж там разработки ракет? Это уже сейчас пыжятся новые люди, стремясь попасть в новый мейнстрим.

ГРЕК: Понятно. 9.11 — мы уже немного этого коснулись — вы сказали, что реакция Кремля была достаточно монолитной, как организации, и следующим важным этапом была Иракская война. Как Кремль смотрел на позицию администрации Буша?

ПАВЛОВСКИЙ: Ну вы знаете, между 11 сентября и Иракской войной полностью переменялось отношение к Америке, именно в этот период. До Иракской войны — это зенит проамериканской политики Путина и зенит вообще прозападной политики. Это период, когда реально обсуждалось вступление в НАТО. После 2003-го года это, как бы, и не было [00:14:00] отклонено совсем, но стало каким-то неважным, стало уходить на периферию.

Так что 2001-2002-ой год — это некоторое состояние романтической любви Путин-Буш, от которой стороны ждали совершенно разных вещей, поэтому не понимали... Россия, например, была уверена, что Америка после того, что сделала Россия: после поддержки — против которой выступали, в

частности, там, Иванов Сергей — поддержки в создании антитеррористических баз в Центральной Азии — что Америка, как минимум, прекратит поддержку чеченских сепаратистов, но она этого не сделала. Она этого не сделала: она продолжала вести операции в этой, в том числе в Грузинской — я забыл, на Грузинской территории, как эта долина, она называлась — вот, где чеченцы жили, где у них были лагеря, были лазареты, были базы фактические, которые были выдвинуты уже с чеченской... То есть реально спецслужбы США продолжали деятельность там. Это было неприятным сюрпризом для Кремля. Так что, где же: «Смотрели [00:16:00] в глаза»? Да, мы союзники, практически, ну и как же? Что же вы? А Буш считал себя выше этого. И кроме того, он поручил — спустил на нижний уровень разработку отношений с Россией. Она его не интересовала, поскольку он занимался войной. Поскольку Россия не хотела заниматься войной, хотя это рассматривалось, конечно, тогда, то, соответственно, все, исчезла вся эта химия, была, в общем, забыта, хотя отношения были очень тесные и продолжались.

Ну, тут есть и бюрократические проблемы, потому что, как бы, и структура президентских ведомств различалась очень сильно между Россией и Вашингтоном, и ей было непонятно кто с кем должен взаимодействовать, так что здесь была какая-то трудность даже бюрократического характера. Вот, мы там интенсивно в это время обсуждали, рассматривали и

разрабатывали идею военного союза с Америкой и каких-то, значит, ну казавшиеся вообще, ну пустяковым одолжением: признание России в качестве, как это называется, [00:18:00] ближайшего союзника вне военного блока. Есть форматное понятие такое, по-моему. Израиль к ним относится и еще несколько стран. Вот, но даже этого не было, даже этого мы не получили, поэтому, конечно, к войне с Ираком интерес стал падать. И получалось, что нас приглашали поучаствовать в этой войне без каких-либо юридических оснований, без поддержки Организации Объединенных Наций и за свой счет. Как сказал тогда мне Сергей Шойгу: «Это как: за свои же деньги я и пидарас». Короче говоря, это, как бы, уже момент ввода войск, против которых мы несколько раз возражали: мы несколько раз Бушу сообщали, что мы не поддерживаем эту войну и не будем в ней участвовать. Это делал глава администрации, это делал и Путин.

Но, я думаю, что в этот именно период проходила плохая вещь, а именно: Путин влюбился не столько в Буша, сколько в его стиль, в его стиль президенства. И я [00:20:00] думаю, что получил плохой урок, таким образом, от этого господина.

ГРЕК: А вы можете чуть-чуть уточнить.

ПАВЛОВСКИЙ: Ну, так сказать, Бушистская концепция мировой политики, как политики с позиции силы, как политики, как бы, отказывающейся от создания коалиции там, где можно действовать силовым образом,

односторонней политики, в принципе. И то, что Буш фактически, очень сильное впечатление произвело на Путина то, что буш произвел фактически coup d'etat внутри Америки. Он изменил положение спецслужб в Америке и так далее, пользуясь моментом. Это очень заинтересовало Путина, очень ему в этом смысле понравилось. Он и раньше относился к Штатам позитивно, а именно, как к консолидированному обществу. Буш довел это до крайней точки, и Путин продолжал, я думаю, учиться этому все эти два президенства, он изменил позицию только когда стало заканчиваться второе его президенство.

ГРЕК: Вторая часть [00:22:00] сроков началась и развивалась изначально вокруг таких событий как цветные революции, то есть уже к середине — первой части нулевых. Как Кремль видел серию цветных революций в Грузии, Украине и Кыргызстане? Какие были реакции, ответы, предположения, стратегии?

ПАВЛОВСКИЙ: Ну что значит «серию»? Серия — это конструкция. Никакой серии не было. Серию сконструировал американский департамент, серию сконструировала доктрина Буша, которая вообще нами рассматривалась, как выпад бессмысленный, ничем не обоснованный. То есть, мы всячески предлагали союзные отношения и получили в морду.

Конечно же, киевская первая, так называемая, оранжевая революция была в основном затеей истеблишмента украинского, несомненно, и поэтому

здесь американская роль была велика, так сказать: истеблишмент бегал в американское посольство, я это хорошо помню, потому что я тогда был там. А Кучма еще играл на этих противоречиях, так сказать, я помню, как он приглашал меня одновременно с американским послом, значит, так сказать, держа нас в приемной одновременно — это такая банальная игра, но действенная.

Путин, конечно, считал к этому времени уже, что это американская игра. [00:24:00] То есть, формальных признаков этого было много — но я не думаю, что это была американская игра — но американская игра, конечно, была на развитии этой тогда антикучминской, на самом деле, акции.

Ну Путин был травмирован этим делом. Уже в России менялась ситуация, ведь был, уже прошел теракт в Беслане: это высший, как бы, успех Шамиля Басаева. Уже пытались, как бы, чеченизировать кавказскую войну небезуспешно с помощью Кадырова-старшего.

Вот, но то, что сделал Буш весной 2005-го года, когда он, как бы, генерализовал совершенно разнородные события в разных странах: в Ливане, Украине, потом еще сдуру совсем, в Узбекистане — все это объявил цветными революциями, то есть связал с доктриной о поддержке демократии... ну это был жесткий ход. И мы стали искать как на него ответить. Потому что он был опасен: человек, который вломился ни с [00:26:00] фига в Ирак и заявляет теперь, что он будет поддерживать цветные

революции на постсоветском пространстве — он был опасен. Потом мы переоценивали прочность политических позиций Буша: он, так сказать, с помощью Карла Роува, создал ненадолго, но все-таки создал впечатление тотального контроля над властью Америки: обе палаты стали его и так далее. Все это, ненадолго его хватило, если не ошибаюсь до потопа в Луизиане, но тем не менее. Ну и это, развернул вообще работу по поиску политического ответа.

Так что это уже другая, ситуация стала меняться. То есть, еще ведь произошел, начался упадок либеральных партий, они его провалили — выборы 2003-го года готовились провалить, выборы следующие — поскольку они соблазнились украинской революцией и решили, что политику можно делать на улице: это ошибка им дорого стоила. И нам всем, как теперь я вижу.

Так что, здесь уже, где-то между Иракской войной и Мюнхенской речью меняется отношение Путина в принципе к Америке: [00:28:00] она, как стало ясно — это не союзник, это коварная страна, ну и проблема ПРО, конечно, это дело заполировала. Ну и Путин стал готовиться к какой-то контракции.

ГРЕК: Вот здесь, как раз-таки, на этой завязке внутренней политики и истории с революциями и так далее: в мае 2005 года Буш приезжал на День Победы и перед этим встречался с представителями российских НКО, диссидентами и

так далее. [Какая на это была реакция в Кремле?] И была ли общественная реакция на это?

ПАВЛОВСКИЙ: Да-да, я там был. Ну, знаете, он ведь не в первый раз приезжал. И восприняли, как мелкую гадость, не более того. НКО не считались тогда особо важными игроками на внутривосточном поле. Ну значительно важнее была его поездка в Грузию, где в это же время, по-моему, где-то в мае 2005, где он как раз и заявил, что будет поддерживать цветные революции, а это почти совпало, чуть ли не наложилось день в день с этой историей в Узбекистане, которая шла тогда. Это очень не понравилось, потому что это было, как бы, ну такое объявление геополитической войны с точки зрения Кремля.

ГРЕК: Я думаю, здесь самый верный подход к Мюнхенской речи: [00:30:00] в 2007 году Путин произносит известную Мюнхенскую речь, и американцы — коллеги, с которыми мы проводили интервью, в частности — были удивлены таким поворотом риторики и говорили, что администрация Буша признавала несогласие Кремля по договору по ПРО, вторжению в Ирак и расширению НАТО. То есть здесь они понимали в чем дело, но также американские официальные лица по-прежнему считают, что Путин не понимает истинную причину этих шагов и что все разногласия могли либо быть косвенно разрешены либо могли стать предметом переговоров. Иными словами Путин overreacted, с этой точки зрения. Как вы отреагировали на эту речь?

Принимали ли вы участие в написании, в подготовке этой речи? И какой программный смысл стал Мюнхенской речи в принципе для российской политики?

ПАВЛОВСКИЙ: В написании — нет. В подготовке принимал. Там было некоторое количество текстов, причем еще не было известно, где Путин... еще не было выбора, места и повода. Но было понятно, что Буш падает, и падающего толкни — это одно.

Второе, было понятно, что мы не получили ничего от этого союза, что, как бы, и не получим: Буш уходит, никакого НАТО. Вступления в НАТО нет. Проблема была не в том, что другие вступили в НАТО, проблема в том, что нас не пригласили, [00:32:00] а мы-то, с точки зрения Кремля, мы были первыми в очереди, а вовсе не какая-то Грузия или кто-то там. Эта точка зрения была именно такая. Ну так что? Уже прошло, напомним, больше 5 лет после вот этих всяких глядений в глаза: Ну и что? И где результат? Как его предъявить? Как его пощупать, как говорится, руками? Никак. Поэтому встречи продолжались, но они стали ритуальными и интерес к ним, конечно, пропадал. Надо было готовиться к моменту транзита. Путин-то собирался уходить из Кремля, и он действительно собирался уходить и у него не было идеи там остаться: и что же? И что тогда? Выходит, американская проблема не решена. Вообще. Никак. Только, как говорится, мы сделали ряд подарков: в Средней Азии, на Кубе, в Вьетнаме. И что? И где ответ?

ГРЕК: Под подарками вы что имеете в виду?

ПАВЛОВСКИЙ: Ну Камрань, база в Камране, этот самый, на Кубе, этот центр

[неслышный]. Вот, это же были неслыханно щедрые подарки, с точки зрения Москвы. Потому что ничего подобного, конечно же... [00:34:00] был, просто аппарат весь был по этому поводу: ну зачем? И говорили, все говорили: «Ничего вы не получите». И мы действительно ничего не получили. Буш, по моему, просто не в состоянии был даже понять этого, его команда — ну Грэм, наверное, понимал, но другие вообще этого не понимали, о чем речь. То есть исчез интерес к дружбе, значит надо было попробовать что-то другое.

Это очень мягкая речь. Она, в общем, можно сказать бархатная.

Мюнхенская: на вообще полна комплиментов Америке. Просто тогда ненормальное состояние тогдашней публичной сцены говорит о том, что ее восприняли как грубость. Посмотрите, почитайте ее: очень вежливо сказано, что односторонняя политика — это нехорошо. Даже это было тогда, как бы, неприято говорить, сейчас европейцы, европейские лидеры выражаются жестче.

Так что эта была речь, произнесенная в нужное время нужным образом. Другое дело, что у Путина не было альтернативы, он еще не видел альтернативы, и все еще полагал, что Штаты в целом идут правильным курсом. Когда там, [00:36:00] как раз в 2007 году, кажется, летом, спрашиваю у него: «Что? Понятно, мы пытаемся как-то аккуратно сдерживать

Соединенные Штаты, но что с НАТО?». Он говорит: «А куда же вступить еще? Конечно, мы вступим в НАТО. Ну не сейчас — позже, на каких-то других условиях, при другой администрации». Ну он сохранял в это время еще такую... то есть до кризиса, финансового кризиса, который, конечно, с точки зрения Кремля показал, что, так сказать... Как тогда сказал Баффет: «Настал отлив, и мы сейчас увидим, кто купался без плавок». Вот, Америка оказалась без плавок. И тут уже, там очень многое начало меняться внутри страны, и после грузинской войны, конечно, и так далее.

То есть, конечно, я думаю, что Путин понял, что Буш, на самом деле — слабый президент. Он размашисто действует, но не контролирует своих действий и не может отвечать за них, ну и него как-то пропал к нему интерес. А потом была грузинская война, американский какой-то крейсер или эсминец появился под окнами [00:38:00] президентской дачи.

ГРЕК: Переходим плавно к следующим событиям: означал ли технический переход от Путина к Медведеву [изменения в] российско-американских отношениях? То есть, этот транзит, он подразумевал изменение внешней политики — то есть, что у Медведева карт-бланш, и он будет действовать как самостоятельный президент?

ПАВЛОВСКИЙ: Он и действовал. Это была последняя попытка вернуться, так сказать, к возможностям или фантазиям, не знаю, 2001-го года. Медведев ведь немедленно после инаугурации обратился с идеей пространства

евроатлантической безопасности. Напомню, что само понятие «евроатлантический» в России было табуировано, то это было абсолютно необычно. Но он не получил даже ответа.

Вот, эта была последняя попытка, да, и со стороны Путина тоже. Конечно же, они вместе предпринимали эту, во всяком случае, попытку. Вот, ну а после финансового кризиса, там уже начались другие дела: грузинская война показала необходимость срочной военной реформы — и она была запущена Медведевым и Сердюковым. Финансовый кризис показал необходимость скорректировать структуру экономики — и этим занимался уже Путин, там с Кудриным, вроде. [00:40:00]

ГРЕК: А почему произошла Грузинская война с точки зрения Кремля?

ПАВЛОВСКИЙ: Ну уж какая тут точка зрения Кремля? То, что Саакашвили готовит удар по Осетии, мы знали — готовит удар то ли по Абхазии, то ли по Осетии — это было ясно с весны. И он колебался там: сперва ожидали удара в Абхазии в мае, если не ошибаюсь, 2007 года. Ему нужно было по понятным политическим причинам, нужна была маленькая победа. И нам совершенно не нужна была тогда война, это было вне планов, и у Медведева, и у Путина.

Так что здесь, ну особо — ну поскольку она приближалась, то мы недооценивали, так сказать, я думаю, вероятность такой внешней войны, потому что очень долго ничего такого не было. Это было действительно неожиданно. И сутки ушли на колебания и Медведева и Путина по этому

поводу. И я думаю, что если бы Путин был президентом, то скорее всего, он ушел бы из Осетии, почти наверняка. А Медведев не мог, потому что он был начинающий президент: ему надо было проявить жесткость. Там, мы были в ужасе просто: Москва гудела от негодования, от того, что мы не двигаемся.

[00:42:00] Так что, а Путин, как всегда в таких случаях, сохранял неопределенность: «Ты же президент, друг мой, решай». Он был в это время, по-моему, где-то в Пекине, кажется, тем более ему было это просто делать.

ГРЕК: Почему Путин ушел бы из Осетии?

ПАВЛОВСКИЙ: Потому что посмотрите предыдущие войны — он не воевал. Он вне России не воевал. Он даже, было даже, была оферта его, кажется, в 2000-м году, оферта чеченцам: если они заключают проверяемое соглашение о том, что с территории Чечни не будет нападений на Россию и союзников, то можно прекратить войну, это было его такое заявление, оно было осенью, кажется, 2000-го – 2001-го года, не помню.

Нет, он, я думаю, психологически еще не был готов воевать. Он осторожный человек. И, вот, ну война была Медведевской инициативой. После этого он стал, как бы, ну не знаю... стал для Запада токсичным. [00:44:00]

ГРЕК: Один из наших респондентов сказал, что Кремль был уверен в том, что победит Маккейн и ожидал Маккейна. Согласны ли вы с этим утверждением?

ПАВЛОВСКИЙ: Нет, такой ставки не было, конечно. Такой ставки не было, но действительно, победа Обамы казалась менее вероятной, в том числе об этом

говорили и серьезные эксперты, которые там... Была такая идея похожая, между прочим, на то, что произошло в 16-м году: что, когда избиратель останется наедине с машиной, он все-таки проголосует не за метиса-Обаму. Вот, были американские эксперты тоже нам это говорили. Да, казалось более вероятной победа Маккейна — это факт. Ну мне уже нет. Но вообще она казалась, действительно, более вероятной. Мне — нет, потому что уже финансовый кризис настолько рванул вперед, что мне казалось, что уже республиканцам не жить в Белом Доме.

ГРЕК: А были ли такая тенденция, что Кремлю, например, всегда комфортнее республиканцы?

ПАВЛОВСКИЙ: А это такое, такой призрак машины, это трудно понять. Я слышал эти разговоры еще в советские времена, вот, но... [00:46:00] потому что демократы, так сказать, были инерционными интернационалистами. А Кремль интернационалистов не любил. Мы сами интернационалисты, нам другие не нужны. И потом, это скорее такой оттиск воспоминаний о розовых годах детанта с Никсоном и Фордом, так кусочек.

Вот, нельзя сказать, что Рейган был таким уж любимцем Кремля. То есть, это не играло какой-то важной роли. Да, в Кремле вообще, в рамках американской догмы, существовали какие-то симптомы, вот такие травматические, что да, вот, наверное, лучше договориться с одним человеком — президентом. У них вообще большие ожидания от

договоренности личной, персональной договоренности. Обычно, такую роль играли республиканцы: сильные президенты были у республиканцев, но это все. Непонятно на чем это все, честно говоря, базируется, это какие-то, это больше — экспертные байки.

ГРЕК: Да, и как раз про роль личности сильного президента, подходим к последнему вопросу. [00:48:00] Существуют ли фундаментальные принципы, институты или контринтересы в американо-российских отношениях, которые не дают пробиться к дружбе, даже при личном контакте лидеров?

ПАВЛОВСКИЙ: Я думаю, что база этих трудностей — это отсутствие реальных отношений одновременно и на экономическом, на человеческом и на политическом уровне. Мы слишком далеки. Нам нечем обмениваться, кроме ворованных секретов. Поэтому я готов утверждать, что в России ни один человек, ни один — не только лидеры кремлевские — ни один человек никогда не понимал американской политики даже на уровне штата. Даже на уровне штата. В большей степени китайскую политику понимали, чем американскую: американская политика — темный лес, она слишком сложна для нашего понимания.

Ну есть встречные структуры непонимания со стороны США. Там, всем известное заявление, правда — не помню какой американский, это был не президент, конечно — это был посол американский у царя [00:50:00] Николая I, самого такого реакционного, можно сказать. И пожал ему

[Николаю I] руки, он сказал: «Это было крепкое демократическое рукопожатие». Вот, это очень похоже на Бушевское смотрение в глаза: крепкое демократическое рукопожатие...

Америка не понятна в России, и отсутствует, я думаю, даже какая-то школа изучения — исследования американской местной, например, политики — вот, что такое американский популизм, не современный, а всегдашний, так сказать. У нас и Токвиля, по-моему, перевели только в 1990-е годы. Поэтому здесь всегда были, вся поддержка политики была выстроена вокруг отношений с президентом американским. Уже ниже него почти не было. Даже вот эти шпионы советские: у них не запрашивали информации об устройстве, так сказать, американских политических ведомств. От английских — запрашивали, английскими мы интересовались, а американскими — нет. Казалось, вот и было представление, что вот есть такой избираемый монарх, и с ним можно обо всем договориться. Я думаю, что здесь играла роль, конечно, и двусмысленная политика [00:52:00] Никсона-Киссинджера, которая тоже в итоге оказалась невыгодной для Союза.

А так можно бесконечно перечислять, бесконечно. У Советского Союза, действительно, была мировая политика, были мировые интересы, и они, конечно, сталкивались, с американскими. Но у России, на самом деле, нет мировой политики и нет мировых интересов, что он [Путин] не хочет

признавать. Поэтому, когда у тебя фантомные цели, фантомные интересы, то они постоянно будут сталкиваться с чем-нибудь, и ты будешь приписывать этому какие-то значения. Но, как я уже говорил, есть глубочайшая разница между структурами управления: Россия — это не государство, надо понимать, в России не выстроено государство, в России не выстроена рациональная бюрократия, даже авторитарная, и поэтому вы не найдете стыковки.

ГРЕК: Вы имеете в виду то, что Россия управляется одним человеком?

ПАВЛОВСКИЙ: Нет, Россия не управляется человеком. Человек является фронтменом. Он, как бы, используется, как заглушка, если угодно, для того чтобы отводить вопросы: «Кто это сделал?», — «Ну это же Путин сделал». Вот, ну еще Сталин жаловался на это, говорил, что: «Из меня делают факсимиле», вот, а Путин, точно — факсимиле.

Поэтому здесь огромная проблема, ведь новый порядок пришел, как команда победителей на выборах 2000-го года. И, фактически, [00:54:00] первая — весь первый президентский срок, Кремль представлял собой просто все тот же избирательный штаб, а в это еще добавилось Путинское неумение строить систему управления: он терпеть не может никаких упорядоченных систем — это его раздражает. В частности, потому что сам он, конечно, анархо-нигилист, он так ценит свою свободу, что любая строгая управленческая схема выглядит для него посягательством на его свободу. Вы думаете, почему он все время жалуется на политику сдерживания? Вот

сколько я пытался его от этого отучить: нет... Потому что он видит в ней посягательство на внутреннюю свободу. Он – необычный человек, несомненно, но от этого не легче.

Поэтому в итоге получается, что здесь, с одной стороны, вот такая странная, так сказать рыхлая, фактически, определенная организация власти без институтов, которые все время... это, отсюда некоторая гибкость, она может — она не чувствует ударов часто, в том числе ударов кризиса. Ей плевать на кризисы, потому что кризис она превращает просто в очередное основание для радикальных действий, для эскалации, например. Но, с другой стороны, она не может предложить ничего организованного: вот сейчас Путин ехал на встречу с Байденом, ну и, казалось бы, вот повод сформулировать [00:56:00] список интересов в политике — нет, этого нет: какие-то довольно случайные пожелания.

Вот это большая проблема. Так что, ну и, конечно, есть проблемы в самой Америке. Не будучи специалистом по Америке, я не буду их описывать, но, конечно, Америка тоже находится уже довольно давно в кризисном каком-то своем переходе, который должна как-то решить, но еще не решила. И, конечно, в такой ситуации, это плохое время, для чтобы строить прочные отношения.

ГРЕК: Спасибо большое.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]